

Было это не то поздней осенью, не то в начале зимы 1965 года. Я только-только начал привыкать к Англии, к ее образу жизни, столь отличному от нашего. И часто моя реакция на некоторые события и явления определялась словами: «Не может быть!».

«Не может быть!» — эти слова невольно вырвались у меня и тогда, когда я прочел в каталоге-анонсе всемирно известной акционерной фирмы «Сотби» о том, что продаются с молотка любовные письма адмирала Нельсона Эмме Гамильтон (позже я перестал удивляться куда более поразительным вещам). Видимо, для возбуждения аппетита будущих участников торгов составители каталога приводили наиболее трогательные и интимные места из переписки великого английского флотоводца к его бессмертной возлюбленной.

Живя в Лондоне уже около года, я буквально каждый день проезжал мимо колонны Нельсона на Трафальгарской площади, часто ходил в Национальный морской музей, где выставлены портреты адмирала и леди Гамильтон, личное оружие и вещи Нельсона, включая забрызганный кровью мундир, в котором он встретил смерть в момент своего высочай-

«ВЛО-123», — составленный из инициалов Вивьен и Оливье и скрепленный общей буквой «Л», с которой и в английском, и в русском языках начинается, пожалуй, самое важное слово в человеческой жизни — любовь. (Об их взаимоотношениях до и после развода я расскажу несколько позже).

Актриса встретила меня в домашнем пеньюаре. Но накинут он был на ее плечи с величием и грацией королевской мантии (вообще, все, к чему она прикасалась, будь то театральная роль или просто пепельница, мгновенно преобразовывалось и облагораживалось под влиянием ее изумительной и неповторимой красоты).

Вивьен Ли только-только перешагнула рубеж полувека. Выглядела она сильно утомленной. Давал о себе знать заглянувший на время туберкулез. Сказывалось напряжение недавнего продельного тура по Америке и нынешнего — по Англии. Но больше всего угнетала ее в те дни творческая неудовлетворенность. В Нью-Йорке, на Бродвее, она выступала в популярном «мюзикл» и имела бешеный успех. Говорили, что пятидесятилетняя Ли так танцевала чарльстон, что в зрительный зал сыпались искры. Были ли они искрами подлинного творчества? Да и физическое напря-

верное, знаете, что некоторые свои письма он шуточно подписывал «Морской чин». По-видимому, и фильм привлекал его не столько своей романтической интригой, сколько воспоминанием о былом морском величии Британии. Его больше интересовал Горацио Нельсон, чем Эмма Гамильтон, хотя мне он этого, конечно, не говорил.

Раскаживая по комнатам и поправляя цветы («На это у меня уходит два-три часа в день»), Ли невольно вызвала в моей памяти знаменитые чеховские слова о том, что в человеке все должно быть прекрасно. «Люди могут забыть ее игру, но никогда не забудут ее лица», — сказал однажды Сомерсет Моэм, который мечтал увидеть на сцене свою Розу Дрифилд в ее исполнении. Ли никогда не была так называемой «секс-бомбой». Газеты не печатали статистических данных о ее бюсте и талии. Она принадлежала к иному, высшему разряду прекрасного.

Театр и кино были счастливы, обнаружив случайно и неожиданно ее талант и красоту. Ей было немногим более 20 лет, когда она впервые появилась на подмостках Вест-Энда в пьесе А. Дьюкса «Маска добродетели». Это было в 1935 году. Никому не известная до поднятия занавеса дебютантка, она проснулась наутро после премьеры, увидев у своих ног весь Лондон. «Вивьен Ли была последней актрисой на английской сцене, которая могла вызвать сенсацию в зрительном зале одним лишь фактом своего появления», — вспоминал уже после ее кончины театральным критик Гарольд Хобсон.

Но этот успех был не делом случая, а плодом фантастического труда и беззаветной любви к искусству. Вивьен Ли родилась в Индии, в местности с поэтическим названием Дарджилинг. В Англию она приехала семилетней девочкой. А уже через год впервые приняла участие в любительском спектакле. «С тех пор я мечтала только об одном — стать актрисой», — говорила Ли. Она прошла школу «Комеди Франсез» и Королевской академии драматического искусства, прежде чем появиться на подмостках Вест-Энда. Затем последовали приглашения сниматься в кино. Пятилетний контракт с Александром Корда, семилетний контракт с голливудским продюсером Дэвидом Селзником. В 1937 году она снялась в фильме Корда «Огонь над Англией». Ее партнером был Лоуренс Оливье. «Это была любовь с первого взгляда», — говорила Вивьен Ли. В том же году она играла в «Эльсиноре» в шекспировском «Гамлете» вместе с приглашенной в Данию труппой театра «Олд Вик».

Следующий, 1938 год был решающим в жизни актрисы. Участие в фильме «Унесенные ветром» принесло ей мировую известность и первую премию «Оскара».

Съемки фильма уже шли, а Дэвид Селзник еще никак не мог решить, кому же поручить главную женскую роль. И вот в один прекрасный день к нему заявляется его младший брат и представляет актрису из Англии со словами: «Дэвид, вот твоя Скарлетт!» «После этого все голливудские леди навсегда возненавидели меня», — вспоминала с улыбкой Вивьен Ли.

На днях я прочел в газетах, что фильм «Развеваны ветром» собираются реставрировать, подвергнуть некоторой технической косметике. Люди, создавшие его, подумал я, тоже развеваны ветром смерти. Нет в живых ни Селзника, ни Кларка Гейбла, ни Лесли Говард, ни Томаса Митчела. Умерла и Вивьен Ли. Какая техническая косметика может заменить это созвездие?

Но вернемся на Итон-сквер в квартиру Вивьен Ли, заполненную цветами и книгами.

Я рассказал актрисе о предстоящем аукционе писем Нельсона Эмме Гамильтон и то, что такие вещи как-то не укладываются в моем сознании.

— В моем тоже, — сказала Вивьен Ли. — Хотя бы уже потому, что читать чужие письма, а в особенности интимные, неблагородно. Торговать же ими просто унизительно. Но ничего не поделаешь — такова жизнь. Если бы у меня было достаточно денег, я бы выкупила эти письма у анонимного продавца. Но, к сожалению, подобная роскошь мне не по карману. А обращаться с призывом к обществу я не намерена. У меня есть слишком горький опыт с этими обращениями. Вы, наверное, слышали о моих тщетных попытках спасти от разрушения Сейнт-Джеймский театр.

ТЕАТР этот был особенно дорог Вивьен Ли. В сезоне 1951 года она вместе с Оливье играла на его сцене в «Антонии и Клеопатре» Шекспира и «Цезаре и Клеопатре» Шоу. Шесть лет спустя она ходила во главе шестилетнего протеста против решения властей разрушить театр. Однажды она вломилась в палату лордов, вынудив достопочтенных пэров прервать дебаты. Очевидцы до сих пор сожалуют, что в те дни еще было запрещено вносить кинокамеру в Вестминстерский дворец. «Это было незабываемое зрелище», — говорят они. Но чары Вивьен Ли на этот раз оказались бессильными. Лорды, столь часто аплодировавшие ей в театре Вест-Энда, на этот раз безмолвствовали. В том числе и лорд Нельсон, потомок великого адмирала и президент компании «Инглиш электрик»...

«Виновниками» еще одной моей встречи с Вивьен Ли были наши туристы. Начнешь знакомить их с историческими достопримечательностями английской столицы, а они тебе в один голос: «Покажи нам мост Ватерлоо!». Ну мост как мост, обыкновенное инженерное сооружение. Построенное далеко не по последнему слову техники. О нем не скажешь, как говорил Маяковский о Бруклинском мосте: «Это вещи!» А что касается истории, то у моста осталось от нее одно лишь название. Но туристы — народ настойчивый. Привезешь, бывало, их на мост, высыпятся они из машины, глядят, как зачарованные, на текущую внизу Темзу и вспоминают со всеми подробностями старую денту о трогательной и драматической любви молодого офицера и девушки — Роберта Тейлора и Вивьен Ли.

Я никогда не был особым поклонником этого фильма, мелодраматического в своей основе. Но надо признаться в существовании весьма специфического феномена в искусстве и литературе. Есть книги, фильмы, произведения живописи, которые, очевидно, не войдут в золотой фонд человеческого творчества, но которые становятся неотъемлемой частью человеческого существования.

Так или иначе, но туристы надумали меня взять у Вивьен Ли интервью для «Недели» и сфотографировать ее на фоне моста Ватерлоо. Это было в прошлом году. Болезнь ее все более прогрессировала. «Камбэк», то есть возвращение, в данном случае — на подмостки Вест-Энда, никак не получалось. Актриса была в очень подавленном состоянии. Участие в фильме Стэнли Крамера «Корабль дураков», за который французская академия кино присудила ей премию «лучшей иностранной актрисе», не взбодрила ее, скорее наоборот. В фильме она играет стареющую разведенную женщину. Некий американец врывается в ее каюту, пытается овладеть ею. Она яростно сопротивляется. И вдруг насильник столбеет. Он, оказывается, перепутал каюты, думал, что забрался к молодой цыганке-танцовщице. Американец объясняется и просит извинения. Но для стареющей женщины это извинение оскорбительнее любого насилия. Значит, ее уже не считают способной вызывать какие-либо эмоции.

В ответ на мою просьбу Вивьен Ли с грустной иронией сказала:

— Нет, пожалуй, не стоит этого делать. Мост Ватерлоо реконструировали. Он стал молодым и красивым. А я... Давайте не будем разочаровывать моих русских поклонников.

Кино принесло Вивьен Ли мировую славу. За участие в фильме «Трамвай, называемый Желание» актриса получила второго «Оскара». И тем не менее Вивьен Ли больше тяготела к театру. Она любила неповторимый аромат кулис, любила зрительный зал с гудящей публикой. «Я не кинозвезда», — говорила она, — существование кинозвезд — это фальшивая и нереальная жизнь ради фальшивых и нереальных ценностей. А я хочу доставлять радость и удовольствие живым людям».

Как и для любой английской драматической актрисы, для Вивьен Ли главной целью было играть Шекспира. «Только Шекспир — подлинное мерило актерских возможностей. Не выдержать его экзамена — значит капитулировать. Никакие иные триумфы не смогут изменить этого», — настойчиво твердила она.

Артистический талант Вивьен Ли выдержал экзамен Шекспиром, но ее здоровье не выдержало. «Быть актрисой — это значит иметь выдержку бегуна на дальние дистанции, кожу крокодила и силу льва», — говорила Вивьен Ли. Эти качества отсут-

(Окончание на 23-й стр.).

В Лондоне 8 июля в возрасте 53 лет скончалась выдающаяся английская киноактриса Вивьен Ли, известная советским зрителям по кинофильмам «Мост Ватерлоо» и «Леди Гамильтон».

(Из газет).

Вивьен ЛИ

М. СТУРУА, соб. корр. «Известий»

шего триумфа. Но упоминания о Нельсоне и его возлюбленной вызывали в моей памяти не эти исторические реликвии, находящиеся под рукой и ежедневно попадающиеся на глаза, а дни юности, когда я бегал с лекций на фильм «Леди Гамильтон», в котором играли Лоуренс Оливье и Вивьен Ли.

Вот почему, когда я натолкнулся в каталоге «Сотби» на сообщение о продаже писем Нельсона, у меня возникло непреодолимое желание излить свои чувства не первому встречному, не даже первому лорду адмиралтейства Великобритании (тем более, что лейбористы отменили эту должность) и уж, конечно, не потому победителя при Трафальгаре — лорду Нельсону, президенту концерна «Инглиш электрик», а двум замечательным актерам, игра которых настолько запечатлелась в моей памяти, что я уже не могу думать о них вне образов, созданных ими на экране.

Вивьен Ли, гастролировавшая в провинции и бывавшая в Лондоне лишь наездами, была несколько удивлена моей просьбой, но тем не менее согласилась принять меня в своей столичной квартире на Итон-сквер в Белгравии.

Не без волнения поднимался я на второй этаж дома, в котором она жила. На табличке возле звонка было выгравировано: «Оливье». Пошел уже седьмой год с тех пор, как они разошлись. Но Вивьен Ли не собиралась менять табличку, так же как и номер своего старенького «Роллс-Ройса» —

жение превосходило предел возможного. «После гастролей в Америке меня привезли на родину на носилках», — вспоминала впоследствии актриса.

Была она недовольна и своей игрой в чеховском «Иванове», где выступала вместе с Джоном Гилгудом. Я смотрел этот спектакль в Манчестере. Ли играла жену Иванова. Играла великолепно, быть может, излишне эмоционально, с какой-то истерической черточкой во внешности, с истерической ноткой в голосе. Создавалось впечатление, что актриса вкладывает в эту роль что-то личное, автобиографическое.

Но ни Америка, ни провинциальная Англия не могли заменить ей лондонского Вест-Энда. Здесь началась ее артистическая карьера, и сюда тянулась она всей душой. Но где-то что-то не ладилось, и огни Вест-Энда зажигались без нее, без имени Вивьен Ли, в котором было больше электричества, чем в империи нынешнего лорда Нельсона, главы концерна «Инглиш электрик»...

В квартире Ли доминировали две стихии: цветы и книги. Они заполняли собой все комнаты, создавая иллюзию какой-то удивительной оранжереи-библиотеки, по которой бесшумно передвигалась ее фигурка. В одной из комнат висел натюрморт — ваза и в ней три розовых бутона.

— Эту картину мне подарил сэр Уинстон Черчилль. Ему очень нравился фильм «Леди Гамильтон». Вы,

ВИВЬЕН ЛИ

(Окончание. Начало на 16-й стр.)

ствовали у нее, они заменялись всепоглощающей любовью к театру, к своему ремеслу.

Вивьен Ли была исключительно интеллигентной актрисой, профессионализм которой был отшлифован до предела. Она была человеком тонкого вкуса и бескомпромиссного характера. И все это Вивьен Ли несла с собой на сцену, а со сцены — в зрительный зал. Но каждый триумф оплачивался дорогой ценой. Ее вносили в театр на руках, а выносили на носилках. Так было, когда она играла в «Макбете» Шекспира, в «Даме с камелиями» Дюма, в «Дуэли ангелов», Фрая по пьесе Жироду. Одно ее имя гарантировало аншлаги. Галантные французы наградили ее орденом Почетного легиона после парижских гастролей 1957 года. Модные английские драматурги почитали за счастье, когда она соглашалась играть в их пьесах. Но платить за все это приходилось сполна. «Я родилась под знаком Скорпиона, — говорила Вивьен Ли. — Скорпионы пожирают самих себя, жалят самих себя до смерти. То же самое происходит со мной».

Красоту Вивьен Ли иногда называли старомодной. Старомодной называли и манеру ее игры. Я бы скорее охарактеризовал и то, и другое, как нечто вневременное или сквозьвременное. И болезнь актрисы — туберкулез — тоже называли старомодной: сейчас, мол, от нее не умирают. Но старомодная болезнь стала причиной ее смерти. Она была настолько нежданной, что возникло подозрение, не покончила ли актриса жизнь самоубийством? Чтобы положить конец нарастающим слухам, пришлось опубликовать специальное заключение врачей о «естественной смерти» Вивьен Ли, как будто бы могло быть что-либо более противостественным!

Имя Вивьен Ли и в жизни, и в искусстве навеки зарифмовано с именем великого английского актера Лоуренса Оливье. Они тайно поженились в 1940 году в Калифорнии и после непродолжительного свадебного путешествия вдвоем на небольшой яхте в Тихом океане вернулись в затемненный Лондон, на который сыпались бомбы.

С тех пор началось их триумфальное шествие по английской сцене,

составившее новую блистательную главу в истории шекспировского театра. Оно продолжалось 20 лет и оборвалось в 1960 году.

Когда они разошлись, Оливье вернул ей топазовый перстень с надписью: «Мой проводник — верность». Они остались друзьями, как принято говорить в подобных случаях. Но уже никогда не выступали вместе ни на сцене, ни в кино.

«Ко многому пришлось мне привыкать в этой жизни, но труднее всего было привыкнуть к отсутствию Лоуренса», — заметила как-то она. Но «привыкла» ли она к этому в действительности?

Узнав о женитьбе Оливье, она сказала: «Я не ревнива. Ревность — зряшная, потерянная эмоция»; и затем, после небольшой паузы: «Да, я не ревнива, за исключением тех случаев, когда влюблена».

«Лэрри-бой», как она ласково называла Лоуренса Оливье, всегда присутствовал в ее мыслях. Она неизменно думала о нем, регулярно ходила на его премьеры, по-прежнему советовалась с ним перед выбором той или иной роли. Недавно Оливье опасно заболел. Врачи запретили ему выступать и поместили в госпиталь св. Томаса. Вивьен Ли, сама прико-

ванная к постели, сильно взволновалась, узнав об этом. «Лэрри-бой» явно переоценивает свои силы. Слишком много берет на себя, — говорила она. — Он и актер, и режиссер, и директор Национального театра. И потому это никому не нужное поднятие тяжести для сохранения мускулатуры тела. А недавно он начал увлекаться еще и водными лыжами! Я знала, что все это до добра не доведет...

Весть о смерти Вивьен Ли застала Оливье в госпитале, где он находился после операции. Он немедленно поехал на ее квартиру и в течение часа принимал посетителей, приходивших выразить свое соболезнование, и никому не казалось странным его присутствие здесь, на Итон-сквер, в квартире, на двери которой возле звонка по-прежнему висит табличка с его именем. А перед домом толпились в скорбном молчании люди, и прислуга актрисы, утирая слезы, рассказывала им о том, что ее хозяйка «была одинаково любезна и с герцогами и с дворянками».

Кто-то подошел к подъезду и вацарапал карандашом на белой колонне: «Великая актриса отныне и навеки. Обладательница вечно юного сердца и подлинной красоты». ЛОНДОН. (По телефону).